

СТАДИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ АЛЕКСАНДРА ГРАДСКОГО В ГЦКЗ «РОССИЯ»

*Известия. - 2004. -
4 ноябр. - с. 16, 15.*

С голосищем Градского не справлялись микрофоны. Грохотало так, словно на «Россию» пикировал «мессершмитт»

ны, колонки трещали и скрипели, как деревья под натиском урагана, и каждый заход на фортиссимо — а он случался в среднем каждые полторы минуты — слушателями ощущался буквально физически, телом: грохотало так, словно на «Россию» пикировал «мессершмитт».

Вообще-то самых блистательных результатов Градский достигает, когда поет тихо, — в конце концов в его песнях множество тончайших нюансов, которые попросту затываются этими кавалерийскими наскоками. И уж точно «My Way», равно как и «Strangers in The Night» предназначены не для того, чтобы проверять на прочность барабанные перепонки зрителей. Эталонные их исполнения отличает именно что сдержанность — качество, временами осеменяющее Градского-композитора, но совершенно незнакомое Градскому-певцу. С другой стороны, именно эта душевная прозорливость и желание обнять голосом все существующие на свете музыкальные жанры и сделали Градского таким, каким мы его знаем: певцом с неумной фантазией, фантастическими вокальными данными и еще более фантастическим самомнением. Помноженное на размах, которого не видела даже привыкшая ко всему сцена «России», оно дало совершенно необыкновенные плоды, уважать которые следует просто за сам факт их наличия.

Не случайно юбиляру оказался так близок другой любитель гигантоманских постановок, оперных арий и возведенного в абсолют дурного вкуса — Фредди Меркьюри: блестяще исполненное «Show Must Go On» как нельзя лучше это продемонстрировало. Градский вполне мог бы собирать стадионы: все его творчество буквально вопиет о тысячах и тысячах слушателей, готовых потерпеть ради встречи с прекрасным. И то, что в зале собралась ничтожно малая их часть, говорит лишь о том, что слушатель — в массе своей — дурак и не понимает собственного счастья. Остается надеяться, что к следующей круглой дате г-н Градский как-нибудь исправит это досадное недоразумение.

Но мнение публики здесь едва ли кого волновало: в расчет брался только идеальный слушатель, счастливо и тихо внимающий всему, что происходит на сцене, и досконально знакомый с обширной дискографией композитора, в которой есть и музыка к балетам, и рок-оперы, и вокальные сюиты, и киношлягеры. Именно к нему обращался юбиляр — не трудясь даже объявлять названия композиций и только указывая год создания.

Большую же часть времени на сцене имел место броский вокальный аттракцион, настоящие легкоатлетические упражнения для

голосовых связок. Действительно, когда один человек с легкостью перекрывает пару-тройку оркестров и хор в придачу, это впечатляет. Градский с видимым удовольствием закладывал такие пассажи, что будь на сцене бокалы — непременно бы полопались. Было в этом что-то от мазохизма и жовиальности русской бани: выныривая из очередной арии, он явственно побряхтывал, улыбался, поживался и покрикивал: «Побыстрее, ребяташки, поинтенсивней! Нам до одиннадцати успеть надо!». С голосом Градского не справлялись микрофо-

ФОТО НИКИТЫ РЫБАКОВ «ИЗВЕСТИЯ»

ПЕРЕБОР